

Л.С. МАМУТ

Гражданское общество и государство: проблема соотношения*

В последнее время в России заметно оживилось обсуждение проблем гражданского общества. И это неслучайно. Оно в значительной степени обусловлено определенной стабилизацией социально-экономического и политического положения в стране. Складывающаяся обстановка не только позволяет, но и требует в гораздо большей мере сконцентрировать внимание на решении тех назревших задач, которые вплотную связаны с дальнейшим развитием государственных и негосударственных институтов (общественных объединений) современного российского социума, с поисками новых, оптимальных средств и методов их взаимодействия. Одна из главных, ключевых предпосылок успешного практического решения подобных задач - выработка достоверного понимания природы данных институтов. На мой взгляд, его пока нет¹. Настоящая статья - опыт соучастия в достижении такого понимания.

Государственности как особому, *публичновластному*, способу организации и существования (модусу бытия) социально стратифицированного общества всегда сопутствует формирование в нем совокупности различных негосударственных образований. С точки зрения номенклатуры и исторической зрелости они в принципе соответствуют наличному уровню публичновластного (здесь - государственнического) устройства общества. Непубличновластные, негосударственные отношения, институты, образования интегрируют и выражают, но по-своему, то же самое общество, являясь еще одним объективно необходимым модусом его бытия. Почти повсеместно укоренившаяся трактовка (и номинация) общества как социальной целостности, состоящей из указанных отношений, институтов, образований, именно в качестве *гражданского общества* нуждается в уточнении и корректировке.

В литературе уже было отмечено, что «исторически сложившееся словосочетание "гражданское общество", обозначающее общество (неполитическое сообщество) в его различении и соотношении с государством (политическим сообществом) явно не соответствует выражаемому им смыслу. Ведь гражданское общество - это не общество граждан (политических субъектов), а напротив, сообщество частных (неполитических) лиц - носителей частных целей и интересов. Сообщество же граждан - это политическое сообщество, т.е. государство (политическое государство) в его отличии от общества (гражданского общества)» [Нерсесянц, 1999, с. 278]².

Гражданское общество есть действительно сообщество частных (неполитических) лиц, носителей частных целей и интересов. Верен и другой высказанный тезис: государство - совершенно то же самое (по кругу охватываемых индивидов, по человеческому субстрату) сообщество, но только сформировавшееся на публичновластный манер. Мне кажется, что именно это обстоятельство объясняет, почему термины "гражданское общество" ("гражданская община") и "государство" очень длительное время -

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №99-03-00085а).

¹ В этом я солидарен с А. Володиным [Володин, 2000, с. 111].

² Снова и снова повторяю: государство - это политическое, публичновластным образом интегрированное и устроенное общество.

от Аристотеля до Ж.-Ж. Руссо - были синонимами: их относили к одному и тому же коллективу (множеству) людей. Относили, конечно, небезосновательно. Два разных модуса бытия - государственный и негосударственный - лишь на сравнительно поздней стадии развития европейской цивилизации обрели зримые черты качественно отличных друг от друга сфер жизни определенного людского сообщества³.

Неодинаковость этих сфер делалась все отчетливее в процессе интенсивного подъема капиталистически-рыночной экономики на базе свободы частной собственности и конкуренции, в ходе установления равенства всех людей перед законом, утверждения в социальном общежитии демократических институтов, по мере признания каждого человека автономным субъектом, обладателем естественных неотчуждаемых прав и свобод, имеющихся у него от природы (так думали), а не с соизволения тех или иных носителей высших властных прерогатив. Такой автономный субъект - дитя новоевропейской истории - получил сертификат гражданина, а социальный коллектив, образуемый из таких индивидов, начал считаться, соответственно, "гражданским обществом". Иначе говоря, у мыслителей XVII-XVIII веков складывалось представление, что они - наблюдатели и регистраторы появления на свет невиданного доселе феномена, окрещенного ими "гражданским обществом". Заложенная в ту эпоху традиция употребления понятий живуча. Она оказывает не только косвенное, но и непосредственное влияние на современную трактовку содержания и смысла термина "гражданское общество".

Прежде чем идти дальше по пути выяснения природы данного феномена, надо понять один весьма важный нюанс возникшей более трех столетий назад концепции "гражданского общества". Имеется в виду ее идеологический подтекст, оказавший серьезное воздействие на расстановку в ней главных социально-познавательных аспектов.

В XVII-XVIII веках словосочетание "гражданское общество" звучало преимущественно в устах тех, кто выступал с позиций молодой тогда буржуазии, не желавшей более мириться со старым порядком и отрицавшей как деление на сословия, так и феодально-абсолютистский строй. Вместе с другими аналогичными клише такое словосочетание было призвано помогать буржуазии обосновывать ее политические притязания. Однако этому препятствовала монополизация монархией, поддерживавшими ее высшими слоями тогдашнего общества публичновластных средств государства. Отсюда - негативное восприятие идеологами "третьего сословия" существовавшей государственности (а заодно нередко и государственности вообще), их старание не просто удалить ее за рамки гражданского общества, но и противопоставить ей человеческую коллективность, которая пребывает где-то вне государства, а посему не поддается его воздействию и - более того - пресекает его всевластие. Вот где социальные истоки антигосударственного привкуса понятия "гражданское общество", порой довольно явственно ощущаемого даже сегодня в рассуждениях историков, социологов, политологов и т.д. [Элиас, 2001, с. 327-328].

Свежей иллюстрацией сохранения понятием "гражданское общество" сообщенного ему в XVII-XVIII веках антигосударственного привкуса может служить позиция одного из участников происходящей дискуссии о гражданском обществе. Он пишет: "...совсем неплохо было бы преодолеть государство типа российского, тем более с целью утверждения гражданского общества ...наша-то российская проблема заключена в другом: как в хаотическом мире вертикальных структур, среди которых *монстром* (курсив мой. - Л.М.) возвышается структура государства, посеять семена гражданского общества без того, чтобы они сразу были затоптаны?" [Калинин, 2001, с. 121]. Трудно определить, чего в этой позиции больше: либерально-анархическое настроение или дефицита реалистических представлений о диалектике государственных и негосударственных институтов общества. По-видимому, тут много и того и другого.

³ Ход теоретического осмысления различия между этими двумя модусами бытия человеческого множества (социума) обстоятельно прослежен Н. Колосовым [Колосов, 2001, с. 129-142].

Устойчивость описанного представления не была бы, вероятно, столь прочной, не соседствуя его идеологическая подоплека с заключенным в нем знанием, которое правильно информирует о подлинных реалиях, связанных с гражданским обществом. Например, сам факт генезиса и разработки концепции гражданского общества - убедительное свидетельство быстрого роста осознания буржуазией своего положения, своей общественно-политической значимости. Еще один пример. Присутствие в данной концепции понимания одной из фундаментальных закономерностей бытия социума, осмысления того, что многие общественные структуры и процессы конституируются и протекают спонтанно, независимо от предписаний, дозволений либо запретов органов публичной власти, сплошь и рядом сводит на нет пожелания и акции даже самых могущественных персон.

Итак, есть обыкновение усматривать в гражданском обществе человеческую коллективность, которая существует отдельно, обособленно от государства и должна вести собственную самостоятельную жизнь, независимую от него. Под гражданским обществом многие разумеют не просто названную сейчас человеческую коллективность, но лишь ту ее разновидность, которая по уровню исторической развитости, социокультурной зрелости совместима с *правовой* государственностью и, со своей стороны, участвует в жизнедеятельности последней.

И в первом, и во втором случае прилагательное "гражданское" используется как антоним прилагательного "государственное". Используется превратно. На самом деле эти прилагательные — не антонимы. Совсем наоборот. Будучи разнокорневыми лексически, они единосущностны идеографически, понятийно, поскольку выражают одну и ту же предметность - публичновластную организованность (упорядоченность) социально стратифицированного общества. Причем "гражданское" исконно производно от "государственного". Согласен с В. Чиркиным в том, что: «Понятие "гражданин" (в отличие от понятия "человек"), от которого произведен, по крайней мере, этимологически термин "гражданское общество", имеет в своей основе "государственный" характер. В современном праве оторвать это понятие от государства невозможно» [Чиркин, 2000, с. 61].

Потребность во всевозрастающей тонкости и точности познания организации и жизнедеятельности социума подвигает к тому, чтобы изымать из научного (и публицистического) оборота троп "гражданское общество" и начинать номинировать негосударственный модус бытия общества в строгом соответствии с его природой. Как писали М. Ильин и Б. Коваль, "мы вполне можем говорить о гражданском обществе как негосударстве" [Ильин, Коваль, 1992, с. 194]⁴. Далее - черед краткого описания этого самого модуса. Его структурообразующий элемент - сеть одноуровневых, рядоположенных общественных отношений: экономических, социальных, территориальных, конфессиональных, этических, языковых и т.д. Все они тесно связаны между собой, пересекаются, влияют друг на друга. Но единой иерархической либо концентрической системы не образуют, оставаясь разными составными частями названной сети общественных отношений и сосуществуя в режиме кооперации. Оттого в их общей совокупности отсутствует олицетворяющая ее вершина. Потому нет (и быть не может) центра, который бы в границах этой совокупности представлял ее всю целиком⁵.

Более чем очевидно многосекторное строение современного гражданского общества. Имеется в нем сектор коммерческий - отношения и институты, опосредст-

⁴ Здесь - я союзник Ильина и Ковалья. Но и у них, как и у меня, нет своей собственной дефиниции "гражданского общества". "Гражданское общество" как "негосударство" или "негосударственный модус бытия общества" - это еще (либо совсем) не дефиниции. Дефиниции только на отрицании не строятся. Определения должны указывать на то, какие сущностные признаки имеются у "гражданского общества". К чести моих союзников, они сознаются в том, что у них самих не сложилось (это было, правда, десять лет назад) о "гражданском обществе" ясного представления.

⁵ Отсутствие у гражданского общества вершины (центра) закономерно и обусловлено тем, что оно - в отличие от государства - не является единой целостной *организацией* со всеми присущими последней атрибутами.

вующие деятельность по производству (и доставке) товаров и услуг с целью извлечения и распределения получаемой в результате такой деятельности прибыли. Кроме того, в гражданском обществе есть также сектора: политико-партийный, информационно-коммуникационный, религиозно-церковный, некоммерческий (в этот последний включают все отношения и институты, остающиеся за пределами уже названных секторов). Все сектора вместе взятые и каждый наравне с другими образуют гражданское общество в его целостности. Выпячивание роли отдельного сектора как ведущего, главного и т.д. лишено серьезных (внеконъюнктурных) оснований. Спорным остается вопрос, входит ли составной частью в гражданское общество система местного самоуправления. Специалистами на сей счет высказываются разные, подчас противоположные мнения.

Каждое из упоминавшихся выше общественных отношений есть особенный "реальный базис", который опредмечивается в людях - носителях данного отношения. Их практической деятельностью, оно актуализируется и благодаря ей же так или иначе удовлетворяется их особенный, партикулярный интерес, однопрофильный с этим отношением. Именно в осуществлении своего собственного партикулярного интереса, которое вовсе не исключает его общественной полезности, заключен *raison d'être* отдельных индивидов и коллективов людей, группирующихся вокруг особенных рядоположенных общественных отношений.

По-иному мыслит В. Шейнис. Он вроде бы признает, что соответствующие субъекты ("структуры") занимаются - среди прочего - также "лоббированием известных групповых и профессиональных интересов". Но едва ли не основное достоинство (и назначение таких субъектов) член бюро Центрального совета партии "Яблоко" видит в их способности "оппонировать власти по главным вопросам" [Шейнис, 2001]. Перед нами типичнейший реликт раннелиберальной (XVII-XVIII веков) трактовки "гражданского общества", избавиться от которого никак не дают партийно-идеологические пристрастия.

Специфика групп (объединений), из суммы которых складывается человеческий субстрат негосударственного модуса бытия общества, не исчерпывается только их качеством (ролью) носителей - реализаторов частных, партикулярных интересов. Они, вместе с тем, - образования добровольные и самоуправляющиеся. Добровольные в том смысле, что индивиды объединяются и участвуют в них (либо их покидают) по собственному выбору, не подвергаясь при этом принуждению (физическому или психическому) со стороны других субъектов социального взаимодействия. Свойством самоуправляемости подобные образования обладают в силу того, что их функционирование обеспечивается принятием норм и решений, касающихся жизнедеятельности данных ассоциаций, самими входящими в них индивидами; такое функционирование обеспечивается совместным ведением, исполнением этими индивидами общих для них дел, определенным снятием разрыва между субъектом и объектом управления, ибо объект управления в немалой степени (что конкретно зависит от размеров ассоциации) становится также его субъектом.

Законы социума не сводят совокупность охарактеризованных коллективностей в одну всеохватывающую, равномасштабную всему обществу организационную структуру с необходимо присущими последней признаками: общая цель, отношения соподчинения как принцип ее устройства, членство как условие принадлежности индивида к ней и т.д. Совокупность этих коллективностей есть всегда некий род агломерации - такого множества, части которого скрепляет "органическая солидарность" (если употребить формулу Э. Дюркгейма). Другими словами, это связи, основанные на автономии субъектов, на разделении выполняемых ими социальных функций, а потому на их (коллективностей) функциональной взаимозависимости. Таковы добровольные автономные объединения индивидов - носители-реализаторы партикулярных, частных интересов, свободные и равные по отношению друг к другу. Стечение перечисленных обстоятельств делает нашу агломерацию ("гражданское общество") той средой, которая не просто весьма предрасположена к правовой алгоритмизации,

но настоятельно требует для своего сохранения и нормального развития опосредования правом, правовым законом.

Однако сюжеты, напрямую стыкующиеся с правом, - предмет отдельного самостоятельного разбора. А сейчас несколько общих замечаний, необходимых для должного раскрытия темы статьи.

В предисловии к сборнику "Гражданское общество: мировой опыт и проблемы России" воспроизводится мнение тех, кто полагает, что "гражданское общество" на Западе впрямь существовало, но, скорее, в прошлом, а теперь клонится к упадку, сходит на нет. Оно, дескать, исчезает, погружается в небытие, поскольку общество массовизируется, связи между людьми в нем становятся формальными, безличными, растет социальное неравенство, часть населения маргинализируется и т.д. [Гражданское... 1999, с. 3-5].

Коренной изъян приведенного мнения - приписывание гражданскому обществу показателей, которые его родовыми, внутренне присущими ему чертами не являются. По уровню формализации межличностных отношений, степени признания (отвержения) прав индивида, мере социального неравенства, количеству аполитичных маргиналов нельзя решить вопрос, наличествует ли гражданское общество или его нет. В принципе сугубо неверна уже сама постановка такого вопроса. Задаваться им столь же бессмысленно, сколь нелепо выяснять: возможно ли гражданское общество (негосударственный модус бытия социально стратифицированного общества), лишенное экономических, этических, социальных, религиозных, территориальных, языковых, бытовых и других отношений и соответствующих объединений, общностей людей. Гражданское общество - ипостась *любого* цивилизованного (базирующегося на общественном разделении труда) человеческого общежития. Оно было, есть и всегда будет. Другое дело, что всякий раз гражданское общество выступает в определенной конкретно-исторической форме. Пересуды о том, что его нет, либо о его "свертывании", умирании, исчезновении и прочее — из разряда недоразумений.

В контекст подобных пересудов оказалась вкрапленной вполне здравая в своей основе идея об устарелости *понятия* "гражданское общество". В. Максименко, например, пишет: «К числу теряющих смысл "старых понятий" можно отнести, по всей видимости, и "гражданское общество"» [Максименко, 1999, с. 121]⁶. Когда-то представление о гражданском обществе действительно вбирало в себя некоторые смыслы: идеологический, социально-нравственный. Теоретический же, научно аргументированный резон в этом представлении изначально отсутствовал. Объективно истинным оно не было с самого момента своего рождения. Поэтому можно твердо констатировать факт "изнашивания", "выветривания" этих исторически объяснимых оправданных для XVII — XVIII веков смыслов и двигаться вперед по пути выработки нового понятия, которое, наконец, схватит и аутентично выразит природу негосударственного модуса бытия общества.

Соображения о появлении, строительстве, амортизации и разрушении гражданского общества имеют прямое отношение к характеристике и оценке радикальных перемен, которые происходят в постсоветской России. Те, кто размышляет о современной российской действительности в целом, как правило, рассматривают также ситуацию с гражданским обществом в нашей стране. Среди них преобладает точка зрения, согласно которой (в мягких ее вариантах) развитие такового, парализованное десятилетиями господства советско-коммунистического строя, возобновилось лишь в конце 1980-х годов и вряд ли стоит говорить сейчас о наличии в современной России

⁶ Совсем иное по пафосу суждение принадлежит Ю. Резнику: "Идея гражданского общества переживает сегодня свой ренессанс. Через каналы средств массовой информации, выступления популярных политических деятелей, ученых-обществоведов она все шире входит в сферу общественного сознания, завоевывая большое число своих сторонников среди представителей гуманитарной интеллигенции, делового мира, депутатского корпуса. Многие начинают видеть в ней реальную альтернативу тоталитарной идеологии и мифологии" [Резник. 1993, с. 3]. Напрашивается вопрос: идея "гражданского общества" - анти-тоталитарная идеология и мифология!

гражданского общества в полном значении этого слова [Хорос, 1997, с. 96; Борисов, 1996, с. 69]. С. Медведев тоже сомневается в существовании гражданского общества в России, поскольку, как ему кажется, "теперешний режим нельзя признать демократическим" [Medvedev, 1997, p. 72]. Зато В. Леушин и В. Первалов сомнений не ведают, уверенно заявляя "...в России пока нет ни гражданского общества, ни правового государства" [Теория... 1997, с. 240]. Совсем страшную, апокалиптическую картину нарисовал О. Сысуев: "На месте гражданского общества в России сейчас зияет большая дыра" [Сысуев, 2001]. Скептики и паникеры удручены тем, что негосударственные институты (общественные объединения) в России на рубеже **XX-XXI веков не таковы, каковыми им надлежит быть по некоей "норме"**, какими им положено быть в идеале и т.п. Но тот, кто судит о конкретно-исторической действительности (и ее слагаемых) с заоблачных высот надвременного идеала, рискует проглядеть главное: момент фактических изменений и развития, уже воплотившийся в этой действительности. Она не может быть адекватно объяснена без сопоставления с предшествующим ей (а в данном случае еще и с качественно иным) историческим этапом в жизни страны. Суждения людей, не утруждающих себя такого рода сопоставлениями и не делающих из них беспристрастных, объективных выводов, - заблуждения и притом весьма небезобидные. В который раз приходится убеждаться в том, что нехватка ясного понимания природы гражданского общества, внесение в общетеоретическое представление о нем разномастных политических, правовых, моральных и других критериев обязательно оборачивается искаженным (и отнюдь не безвредным) взглядом на реальность, блокированием возможных путей совершенствования социальной практики. Одно из магистральных направлений совершенствования такой практики на российской почве - целеустремленная, планомерная деятельность по созданию политических, организационных, легальных, идеологических условий, морально-психологического климата, благоприятствующих нормальному функционированию и стимулирующих развитие той общественной среды, которую по традиции (и в силу инерции) даже ученые-гуманитарии именуют гражданским обществом. Намеренно избегают тут употребления слова "строить". Объекты, подобные гражданскому обществу, не конструируются и не выделяются (фабрикуются) как дома, технические сооружения (изделия), научные концепции, произведения искусства.

Строительство предполагает, что имеется, с одной стороны, некое вещество, сырье, а с другой - внешний по отношению к нему субъект (строитель), который сообразно составленной им заранее мысленной модели формирует, изменяет, доводит до нужных кондиций имеющийся материал. Социум, однако, не знает такого демиурга, который изготавливает гражданское общество и, соорудив его, дает ему еще и перво-толчок, приводящий это общество в движение. Поиск демиурга питает стародавняя склонность (привычка) людей объяснять всякую трансформацию в том или ином явлении, непременно исходя из обстоятельств и причин, лежащих вне его самого.

Гражданское общество кристаллизуется, пульсирует и движется практической энергией людей, которые в нем живут и действуют. Но живут и действуют они не как строители *ex professo*. Сфера общественных отношений, функциональных человеческих взаимозависимостей, историческое пространство - нечто совсем иное, нежели стройплощадка и порядки на ней. Глубокие социальные сдвиги, перемены цивилизационного масштаба и характера наступают не вследствие того, что какие-то индивиды (пусть даже многие) загодя спланировали их и стали потом целенаправленно осуществлять. Безусловно, каждый шаг отдельного человека на пути истории продиктован его намерением и расчетом. Но вот то, что затем образуется на этом пути, замыслом и предположением данного человека не охватывается. О. Кромвель и Петр I, Дж. Вашингтон и Т. Джефферсон, Наполеон, Александр II и В. Ульянов (Ленин), равно как и другие знаменитые "прорабы" исторического "строительства", в принципе мало отличаются (в рассматриваемом ракурсе) от рядовых безымянных людей. Объективные законы устройства, функционирования и развития граж-

дамского общества могущественнее их всех; они подчас до неузнаваемости изменяют (на более или менее длительной исторической дистанции) реализуемые индивидами "строительные" проекты⁷.

Этот пассаж - отнюдь не апология спонтанности и самотека. Его пафос не в том, чтобы принизить роль рациональных сценариев и программ, создаваемых для эффективного воздействия на состояние гражданского общества. Напротив, задача, которую следует решать, - усиление научной обоснованности, надежности таких сценариев и программ. Не в последнюю очередь ее решение требует отказа от веры в чудодейственность долгосрочного целеполагания самого по себе; оно требует отказа от иллюзии стопроцентной осуществимости стратегических планов и т.д. Предвосхищение грядущего состояния гражданского общества - занятие необходимое. Но столь же насущное и важное дело - создание в прямом смысле слова рукотворных политических, организационных, легальных и т.д. средств, с помощью которых можно с наименьшими отклонениями и издержками воплотить в действительность разумные, рационально обоснованные сценарии и планы. Куда полезнее сосредоточить усилия на предвидении опасностей, которые встретятся на дороге, ведущей к гражданскому обществу завтрашнего дня, чем старательно вычерчивать контуры и прорисовывать детали гражданского общества дня послезавтрашнего.

Фактическим результатом деятельности оказывается не тот, который предположен человеком в субъективной форме намеченной им цели, а лишь тот, что реально возникает в ходе его деятельности с помощью используемых в ней средств. Такой результат и не может порождаться чем-либо иным, кроме как самой деятельностью, вооруженной данными употребленными средствами. Увы, нескончаемый плотный поток будничных обременяющих забот все время отесняет на периферию сознания и скрадывает эту, столь принципиальную мысль, призванную быть одной из руководительниц наших действий как в личной жизни, так и в сфере гражданско-общественной [Трубников, 1967, с. 12].

Когда соотносят два неразъединимых, слитных модуса бытия всякого достаточно развитого социума (т.е. гражданское общество и государство), публике, в особенности пролиберально настроенным ее кругам, доставляет немалое удовольствие выказывать симпатии "независимости", "свободе" гражданского общества от государства и скорбеть по поводу "вмешательства" государства в дела гражданского общества. Причем под государством в подавляющем большинстве случаев понимают не публично-властным образом интегрированное, организованное общество, а всего лишь госаппарат: систему государственных органов и учреждений, занятых в них лиц. Недопустимое (в плоскости сопоставления гражданского общества и государства) смешение понятий! Таким мыслителям можно посочувствовать. Им очень хочется обманываться насчет независимости одного модуса бытия от другого, органически слитного с ним. Данное желание сродни охоте видеть независимыми, отдельными и свободными друг от друга две стороны одной и той же медали.

Миф о "независимости" гражданского общества от государства возник не на пустом месте. Он также имеет свои мировоззренческие и социально-экономические корни, свою историю. Его общественно-цивилизационная почва - зарождавшаяся в Западной Европе на рубеже позднего Средневековья и Нового времени буржуазно-капиталистическая форма хозяйства с пробудившимся (и казавшимся чисто стихийным) ростом торговли и промышленности, якобы совершенно стихийным увеличением

⁷ Явь несовпадения индивидуальных (если угодно, то и коллективных) *целей* и общественных *результатов* в деятельности людей стала достоянием европейской науки уже в начале XVIII века [Вико, 1994, с. 470]. В своей "Философии истории" Гегель классически передает эту "хитрость разума": "...во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется и нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения" [Гегель, 1935, с. 27].

богатства и стихийным изменением экономических отношений. Тогда мнилось, что все эти процессы происходят помимо государства, без какого-либо воздействия на них государственной воли. Под влиянием данных процессов сложилось представление о том, будто динамика социальных сил, поступательное движение в сфере экономики вообще возможны в отсутствие государственности, совсем не зависят от нее, а совершаются сами собой. Воззрение на гражданское общество как на саморазвивающуюся систему, которая существует без активной целенаправленной деятельности органов и учреждений государства, людей, его образующих, особенно культивировалось у мыслителей, занимавшихся экономической проблематикой. Например, в теориях физиократов [Алексеев, 2001, с. 273-274].

Никто не возьмется опровергать то, что гражданское общество и государство — действительно разные феномены. Они неодинаковыми способами и средствами интегрируют людей, составляющих одну и ту же человеческую коллективность (общество). Но очевидные различия, объективно существующие между ними, ни в коем случае не превращают эти феномены в независимые относительно друг друга. Гражданское общество и государство — абсолютно взаимозависимые социальные величины. Для своей экзистенции они в одинаковой мере необходимы друг другу. Обоюдность, равнозначимость отличают связь (взаимозависимость) гражданского общества и государства и, *vice versa*, государства и гражданского общества. Перестановка местами рассматриваемых феноменов ничего не меняет в типе такой связи. В логике она квалифицируется как симметричная.

Именно симметрия во взаимозависимости гражданского общества и государства выделяет ее из иных типов зависимости: генетической, причинно-следственной, субординационной и т.д. Но связь гражданского общества и государства — не просто многократно отмечавшаяся взаимозависимость. Она еще и связь взаимодополнения. Это обстоятельство требует (при анализе отношений между гражданским обществом и государством) использования наряду с другими исследовательскими приемами тех эвристических возможностей, которые заключены в сформулированном Н. Бором принципе дополнительности. Пока к его помощи, насколько я могу судить, не прибегают.

Вторая сторона мифа о "независимости" гражданского общества от государства, "свободе" от него — мнение, будто добрым людям надобно удерживать государство от "вмешательства" в дела гражданского общества. И опять-таки, речь заводят о государстве, а имеют в виду госаппарат, метят в него: как чужеродного и зловредного его надлежит всеми силами укрощать, ибо он склонен пакостить, мешать (отсюда "вмешательство") гражданскому обществу, нормально живущему только вне зоны его гравитации.

Примерно в том же русле идут дискуссии (см. материалы состоявшегося в ноябре 2001 года Гражданского форума) о том, как членам гражданского общества быть с властью государства, каким образом гражданскому обществу ее контролировать, как на нее воздействовать: урезонивать, просвещать, облагораживать? Презюмируется, что само гражданское общество "уже в полном порядке", т.е. сделалось просвещенным и благородным, освободилось от нравственных и иных пороков, избавилось от тоталитарных рефлексов и т.д. К великому сожалению, нет доказательств того, что на современное российское гражданское общество сошла такая великая благодать, приведшая его к столь чудесной и быстрой метаморфозе. Люди, напрашивающиеся в сторожа и контролеры, вероятно, и не подозревают, что их самих нужно сторожить и контролировать.

Остается в силе сказанное некогда В. Соловьевым о плюсах и минусах лиц, составляющих аппарат государства, корпус государственных чиновников: "...качество правительственных деятелей зависит от качеств того общества, из которого они выходят, и, следовательно, самым надежным путем улучшения (корпуса правительственных деятелей, государственных чиновников. — Л.М.) представляется перевоспитание общества... для такого перевоспитания необходимы готовые воспитатели,

а их-то, вероятно, и недостает" [Соловьев, 1989, с. 178]. Воспитателей, готовых перевоспитывать наше гражданское общество, не хватает и сегодня. Надо делать все, чтобы они появились завтра. Но заведомо бесполезно ждать таковых из среды тех, кто поражен тяжким недугом "государственного отщепенства" (формула, которой часто пользовался П. Струве).

Полемизировать с людьми, чья мысль заиклена на предрассудках об интервенционистском и вредоносном характере деятельности государства *вообще*, всякого государства, - значит попусту тратить дорогое время, повторяя по содержанию и по методике аналогичный спор со сторонниками идеи "независимости", "самостийности" гражданского общества, его "свободы" от государства. Возобновления подобного рода споров - явный и ненужный перебор.

Стоит, правда, заметить, что хотя антиинтервенционисты в своих инвективах против "вмешательских" акций государства последовательны, однако последовательны небезоглядно. Они допускают возможность "регулирования" им определенных процессов, совершающихся в гражданском обществе при условии, что таковое будет минимальным. Вот только эти люди держат в глубокой тайне информацию о той четкой грани и том минимуме, которые отделяют осуждаемое "вмешательство" государства от его приемлемых мер по "регулированию".

Ныне, пожалуй, всякий непосвященный человек знает, что государство (в том числе через систему своих органов и учреждений) постоянно и активно воздействует (иного не дано!) на гражданское общество. Другой вопрос - каков характер этого воздействия: позитивный или негативный. Оно положительное, когда сообразуется со спецификой отношений и институтов гражданского общества, с механизмами его саморегуляции и социокультурой, с уровнем его исторической зрелости, динамикой развития.

Невозможно представить себе "реальное общество, которое после возникновения государства существовало бы без всякого государственного регулирования... государство всегда, хотя и по-разному, осуществляло регулятивную роль в обществе. Следовательно, речь может идти о степени и формах этого вмешательства, о весо-мости разных элементов - саморегулирования общества и государственного вмеша-тельства в этом сочетании" [Чиркин, 2000, с. 62]. Не буду придираться к тому, что в процитированных суждениях нейтральное "регулирование" оказалось равнозначным порицаемому и отвергаемому "вмешательству", потерялся резко негативный смысл, который вкладывается в словосочетание "вмешательство государства". Однако главное в приведенном отрывке схвачено: повсеместный факт неизменного и деятельного участия государства в жизни гражданского общества. Абсурдно приравнивать такое участие к интервенции, вторжению ("вмешательству") чужестранной силы, вознаме-рившейся во что бы то ни стало причинить зло соседу.

Неблагодарный труд - заниматься рациональным различием и разграничением понятий, некогда рожденных из случившейся на определенном историческом этапе комбинации общественно-политических и идеологических потребностей и оказав-шихся наполненными несовпадающими семантическими оттенками. Эти понятия стали употребляться то как синонимы, то в качестве представлений, не идентичных, строго говоря, по своему содержанию. Ясно, что и теории, и практике такое употреб-ление противопоказано. Ни к чему хорошему оно привести не может. Однако не с ним ли сталкиваешься, наблюдая неразборчивое пользование понятиями "государственное управление", "государственное регулирование", "вмешательство (интервенция) госу-дарства" и т.п.?

Уж на что Р. Пайпс искушенный и многознающий исследователь, но и тот не без греха. Сначала он верно, на мой взгляд, утверждает: "...идеал общества, в котором правительство (смею предположить, что и по Пайнсу, правительство - высший исполнительно-распорядительный орган государства. -Л.М.) ничем не управляет, так же оторван от действительности, как и идеал утопического общества, в котором оно управляет всем и вся". Затем сразу, не переводя дыхания, пишет: "Даже во времена

высшего расцвета экономической свободы (*laissez faire*) правительства повсюду так или иначе вмешивались в экономические и социальные дела: бездеятельное государство - понятие столь же мифическое, как и первобытный коммунизм" [Пайпс, 2000, с. 269-270]. Совсем уж наивно полагать, будто Пайпс не ощущает разницы между *government* и *intervention*. Однако и он остается пленником повторяющихся по давней привычке либеральных клише. Традиции прошлого (хотя и не всегда как кошмар) вправду тяготеют над умами живых. Бремя этих традиций испытывают и незаурядные умы. Чем активнее сознание наших современников будет освобождаться от бремени сковывающих его упрощенных объяснительных схем, позавчерашних догм, контрпродуктивных поведенческих установок, тем скорее развитие государственных и негосударственных институтов (общественных объединений) российского общества, их обоюдодополнительное взаимодействие получит новый мощный импульс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Н.Н.* Идея государства. 2-е изд. СПб., 2001.
- Борисов Л.П.* Политология. М., 1996.
- Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М.-Киев, 1994.
- Володин А.Г.* Гражданское общество и модернизация в России // Полис. 2000. № 3.
- Гегель.* Соч. Т. VIII. М.-Л., 1935.
- Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России. М., 1999.
- Ильин М.В., Коваль Б.И.* Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Полис. 1992. №1-2.
- Калинин И.К.* К дискуссии о гражданском обществе // Социс. 2001. № 4.
- Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001.
- Максименко В.* Идеологема *civil society* и гражданская культура // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.
- Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. Учебник для вузов. М., 1999.
- Пайпс Р.* Собственность и свобода. М., 2000.
- Резник Ю.М.* Гражданское общество как феномен цивилизации- М., 1993.
- Соловьев В.С.* Государственная философия в программе Министерства народного просвещения // *Соловьев В.С.* Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1989.
- Сысоев О.* На месте гражданского общества зияет большая дыра // Известия. 2001. 20 апреля.
- Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского. В.Д. Перевалова. М., 1997.
- Трубников Н.Н.* О категориях "цель", "средство", "результат". М., 1967.
- Хорос В.* Гражданское общество: как оно формируется (и сформировалось ли) в постсоветской России // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 5.
- Чиркин В.Е.* Государствоведение. Учебник. 2-е доп. изд. М., 2000.
- Шейнис В.Л.* Две "горизонталы": Союз союзов и Демократическое Сопровождение: власть пытается имитировать гражданское общество // Независимая газета. 2001. 7 июля.
- Элиас Н.* Изменение баланса между Я и Мы // Общество индивидов. М., 2001.
- Medvedev S.* Landscape after Battle: Refinancing Democracy in Russia // Democracy, Economy and Civil Society in Transition. Helsinki, 1997.